

**МИХАИЛ
ВОРОНОВ**

НАШ ПРИХОД

Михаил Воронов

Наш приход

«Public Domain»

1866

Воронов М. А.

Наш приход / М. А. Воронов — «Public Domain», 1866

«Лето. Праздник. Девять часов утра. Колченогий нищий по имени Прокоп (он же Моргун-шестипалый), исправляющий должность приходского звонаря, уже давно взобрался на высокую нашу колокольню и упорно таращит глаза в ту сторону, где проживает приходский протоиерей отец Никита; Прокоп ждет оттуда условленного знака, чтобы немедля начать благовест к обедне. Наконец знак этот подан, и Моргун, трижды осенив себя крестным знаменем, принялся старательно раскачивать тяжелый язык двухсотпудового колокола...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Михаил Воронов

Наш приход

I

Здесь каждый увидит нас сначала в общем сборе; после же того познает справедливость поговорки: вместе – душа мрет, а порознь – с души прет

Лето. Праздник. Девять часов утра. Колченогий нищий по имени Прокоп (он же Моргун-шестипалый), исправляющий должность приходского звонаря, уже давно взобрался на высокую нашу колокольню и упорно таращит глаза в ту сторону, где проживает приходский протоиерей отец Никита; Прокоп ждет оттуда условленного знака, чтобы немедленно начать благовест к обедне. Наконец знак этот подан, и Моргун, трижды осенив себя крестным знаменем, принялся старательно раскачивать тяжелый язык двухсотпудового колокола.

С первым ударом всполошился самый последний, самый низменный слой нашего прихода; второй поднял на ноги мелких чиновников; по третьему крикнули и засопели толстобрюхие купцы; но когда Прокоп властной рукой начал наносить удары в щеки колокола раз за разом, когда удары эти слились в один непрерывный стон-визг, тогда встали с своих мест даже такие люди нашего прихода, пред которыми спокон веку ползком ползет низменность, давным-давно в дугу гнется мелкий чиновник и чуть не за целую версту ломит шапку сам купец толстобрюхий.

Визжит-стонет колокол, из кожи лезет-усердствует разгорячившийся Прокоп, а народ все прибывает и прибывает в божий храм; так что когда Моргун-шестипалый, пустивши в дело свои искалеченные руки и ноги, затряс от восторга головою и ударил *во все*, – в церкви, истинно говорю, и яблоку бы, кажется, негде уж было упасть!

Отрадно, право, посмотреть на нас, когда все мы в сборе!

Вот направо чиновник Геклов (чин на нем хоть и небольшой, но *из себя амур*, говорят наши девицы), в новом сюртучке, смирнехонько и близехонько поместился с девицей Синелобовой, наряженной в роскошное барежевое, бутылочного цвета, платье. Ах, какое смирение напечатлено на челе Геклова, и какая кротость блистает во взоре Синелобовой! Ну, кто бы мог подумать, что оба они в обновлениях? Нет, этого никто не подумает! А направо-то жена квартального Трегубова... Вы думаете, может быть, что она завидует изящной соломенной шляпке на маленькой головке Переполоховой и потому пристально смотрит на нее? Ошибаетесь! Квартальничиха очень хорошо знает, что Переполохова переделала свою шляпу из старой; она не завидует, но соболезнает о суетности владельницы шляпы, решившейся на недостойную переделку. Даже туземный наш ловелас Семен Курносов – смотрите, как скромно: он поместился чуть не в притворе, чуть не с нищими... Глядя на него, никто не может допустить и мысли, будто не дальше как вчера титулярный советник Перхуров обещался переломить ему ноги, если он, Курносов, будет заглядывать в окна, и будто Курносов пришел сюда именно затем, чтобы назло Перхурову стать рядом с его дочерьми, которые действительно красуются возле. Не подумайте также, чтобы купчиха Круглотелова помышляла в настоящую минуту о пироге, который она пред уходом из дома посадила в печь и за который смертельно боится, ибо Матрена ее, как известно всему приходу, пьяница и ленивка, а муж, Кузьма Митрич, человек крутой и подгорелых пирогов в своем доме терпеть не может. Ведь если так смотреть на вещи, то придется, пожалуй, допустить нелепость вроде того, что Трифон Сергеич Перебоев – человек значительный и почитающийся у нас верхом ума – сейчас оглянулся затем, чтобы видеть,

с достоинством ли держит себя Спиридон Михеич Гвоздилин – лицо в приходе не малое и по уму не последнее. Ах, как вы жестоко ошибаетесь! Трифон Сергеич, уверяю вас, оглянулся единственно потому, что ему как будто под коленкой что-то неловко сделалось, – короче: так пришлось, вот и оглянулся.

Но обедня кончилась. Прихожане радостно приветствуют друг друга: Геклов перекидывается изящными фразами с Синелобовой, Переполохова обнимает и лобзает квартальничиху Трегубову, Перебоев жмет руку Гвоздилину, Ржавчиха целуется с Кондрихой, Жигалиха – с Бугрихой, Курносов поздравляет с праздником всех; минута, другая – и мы расходимся по домам, дабы предаться всепоглощающей нас житейской сфере, как выразился один приходский мудрец, завертывая в достолюбезный ему кабак. И суета действительно поглощает нас, как только мы переступаем порог нашего жилища.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.